

ИЛЬЯ СТАНИСЛАВОВИЧ АГАФОНОВ

аспирант кафедры истории и теории исторической науки
исторического факультета

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9939-9119; is.agafonov@yandex.ru

СОЛОВЕЦКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ КОНЦА XVI ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

А н н о т а ц и я . Летописные традиции России XVI века активно изучались в отечественной науке на материале крупных московских памятников. Такие произведения, как Хронограф редакции 1512 года, Никоновская летопись и Степенная книга, становились объектом внимания ученых в связи с широтой охвата общерусских событий. В то же время общерусские провинциальные и местные памятники оставались на периферии исследовательских интересов специалистов. К настоящему времени в отечественной историографии накоплен обширный материал, связанный с публикацией, атрибуцией и анализом различных сочинений, создававшихся за пределами Москвы. Отдельные проблемы рассмотрены в источниковедческих работах отечественных ученых, однако фокус внимания историков смещен к вопросам текстологического характера, а также уточнения отдельных макроэпизодов российской истории. Тем не менее комплексное исследование регионального летописания эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени не было проведено. Для дальнейшего продвижения в вопросе о становлении и развитии книжной традиции в России XVI века представляется необходимым структурировать накопленный исторической наукой материал, на основании которого представляется возможным выстраивать исследование об общих и характерных чертах регионального летописания. Соловецкий летописец конца XVI века является примером неофициального памятника летописания, созданного на Русском Севере. Историографический опыт изучения данного произведения, накопленный исторической наукой, представляет интерес для обобщения и выявления проблемных вопросов. Новизна работы – в подготовке памятника для рассмотрения в качестве самостоятельного элемента историографической традиции России XVI века, предполагающей обращение к летописным произведениям как памятникам исторической мысли региона и эпохи. В результате исследования обозначены итоги историографического изучения соловецкого летописания в отечественной науке: источники произведения, соотношение редакций, время создания и авторство памятника. Акцентировано внимание на вопросах, требующих отдельного рассмотрения в рамках обращения к Соловецкому летописцу XVI века как произведению провинциальной книжности своего времени: назначение и практическое применение памятника в монастырской традиции, специфика работы местных книжников, принцип выборки событий и тематические приоритеты автора. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** историография, источниковедение, XVI век, местное летописание, общерусское летописание, Соловецкий монастырь, Соловецкий летописец

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Агафонов И. С. Соловецкое летописание конца XVI века: историография вопроса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.868

ВВЕДЕНИЕ

Исследование русского летописания XVI века имеет глубокую историографическую традицию, которая определялась целями и задачами ученых, работавших в данной сфере с конца XIX века. Внимание исследователей привлекали крупные литературные памятники эпохи, такие как Хронограф редакции 1512 года, Воскресенская летопись, Степенная книга, Никоновская

летопись¹ или Лицевой летописный свод² [11], [16], [23], [32], [39], [40]. Не меньшей популярностью пользовались и публицистические произведения, отражавшие политические взгляды светской и интеллектуальной элиты: послания Филофея, сочинения Ивана Пересветова, послания Ивана IV [5], [6], [22]. Интерес исследователей к подобным памятникам обуславливается широтой предоставляемых сведений, исполь-

зуемых для построения линейной концепции истории России. В этой связи введение новых источников в научный оборот, их систематизация и поиск путей практического применения становятся основной задачей большинства историков, позволяя, с опорой на центральные произведения эпохи, делать выводы о политическом, экономическом, социальном, военном и культурном положении страны в исследуемый период. Помимо этого, в научной среде долгое время было распространено мнение, что после объединения большинства земель, некогда входивших в состав Древнерусского государства, под властью Москвы общерусское независимое летописание пришло в упадок, уступив место региональным вариантам официального летописания и сугубо провинциальным летописям, «питавшимся слухами из столицы или складавшимся на местах» [15: 217].

В отличие от крупных памятников летописания, местные и общерусские провинциальные произведения становились объектом внимания ученых гораздо реже. В рамках обращения историков к региональному летописанию большой интерес ученых был связан с изучением летописей Пскова, Новгорода, Твери, Вологды и Великого Устюга. В то же время обращение к малым памятникам XVI века из разряда летописцев тесно связано с изучением книгописной деятельности монастырей центрального и северного регионов Российского государства, в том числе Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Николо-Волосова, Валаамского, Троицкого Усть-Шехонского, Спасо-Ярославского, Борисоглебского Сольвычегодского и других. Данные источники вызвали интерес историков в связи со своим неофициальным статусом, из-за чего они рассматривались как основная альтернатива московским летописям. Так, значение псковских и новгородских памятников летописания определялось их различиями со столичными произведениями, сравнение с которыми позволяло ученым уточнить детали отдельных событий российской истории. Внимание историков к региону определило появление работ, исследовавших произведения Северо-Запада России как самостоятельные памятники историографии XVI века.

В отношении ряда других памятников интерес ученых был связан с построением археографических и источниковедческих работ без обращения к ряду местных и общерусских провинциальных летописных произведений как к памятникам историографии. В то же время эти памятники представляют интерес благодаря многочисленным уникальным сведениям, позволяющим уточнить картину политической, социальной, религиозной и культурной жизни России, а также расши-

рить представления о человеке эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, его мировоззрении, ценностях и интересах.

Многие отечественные ученые, в том числе А. А. Шахматов, А. Н. Насонов, М. Н. Тихомиров, Я. С. Лурье, концентрировали свое внимание на введении различных памятников летописания в научный оборот, их публикации, атрибуции и текстологическом анализе [1], [17], [35]. Однако попыток составить общую характеристику местных и общерусских провинциальных памятников на основе обобщения накопленного в историографии массива материалов не предпринималось.

Одним из регионов, в котором летописание активно продолжало свое развитие в XVI веке, является Русский Север. В Вологде, Холмогорах, Сольвычегодске и Устюге, а также в епархиальных центрах вроде Усть-Вымского городка создавались источники, описывающие жизнь региона, его быт и важные события. Некоторые памятники вписывали историю родного края в общерусский контекст, другие фокусировались на локальных проблемах, не уделяя внимания событиям государственного масштаба.

Исследования провинциального летописания позволили существенно расширить источниковую базу по изучению Русского Севера, выявить большинство известных произведений, а также ввести в оборот ранее недоступные редакции и списки памятников. Однако большинство произведений, в числе которых можно выделить и Соловецкий летописец конца XVI века (далее – СЛ), не рассматривались учеными как памятники исторической мысли, отражающие мировоззрение «историков» на местах.

Ниже на материале Соловецкого летописца будет предпринята попытка структурировать накопленный в отечественной исторической науке материал, тем самым подготовив почву для последующего специального изучения этого произведения как памятника историографии XVI века и включения в контекст общего развития русской летописной традиции эпохи. Основное внимание в работе будет сфокусировано на построении цельной картины, способной отобразить многообразие подходов и гипотез, сформулированных отечественными исследователями соловецкого летописания XVI века.

СПИСКИ, РЕДАКЦИИ И ИСТОЧНИКИ СОЛОВЕЦКОГО ЛЕТОПИСЦА

Исследование соловецкого летописания началось в конце XIX века, когда усилиями историка А. Н. Попова была описана одна из рукописей библиотеки А. И. Хлудова (ГИМ, собр. Хлудова № 184; далее – Хлуд. 184)³. Позднее изучением данного собрания занялся М. Н. Тихомиров,

выделивший в составе рукописи ряд сведений за 1547–1598 годы, которые он обособил от основного текста и назвал «Соловецким летописцем второй половины XVI века» [29], [30: 192–206]. Уже тогда исследователь отметил оригинальность некоторых сведений, указав, что отдельные записи создавались современником описываемых событий. Помимо этого, историк сделал вывод, что рукопись Хлуд. 184 является компиляцией общерусских материалов, созданной на севере или северо-западе Руси с использованием новгородских и псковских летописей [30: 193–194]. Позднее В. В. Яковлев на материале Хлуд. 184 подготовил и опубликовал Новгородско-Псковскую летопись 1630 года, одним из источников которой был Соловецкий летописец [37], [38].

Последующее изучение памятника в отечественной историографии оказалось напрямую связано с введением в научный оборот новых списков СЛ, текстологическим анализом произведения, выявлением его источников и атрибуцией. М. В. Кукушкина обнаружила в составе Соловецких сборников два новых летописца, происхождение которых позволило отнести их к XVI веку (РНБ, Соловецкое собр. № 664/22; № 877/987). На материале разных рукописей и изучения их источников был сделан вывод о существовании СЛ в двух редакциях, одна из которых стала считаться более ранней, а другая – 877/987 (далее – Сол. 877) – более поздней, на основе которой была составлена компиляция 1630-х годов из рукописи Хлудова [13: 158, 223].

Историк В. И. Корецкий был первым, кто подробно исследовал первую редакцию СЛ (РНБ, Соловецкое собр. № 22/1481; далее – Сол. 22), а также опубликовал текст памятника [12]. Изучение водяных знаков, авторского почерка и отличий между тремя частями цельного летописца, охватывавшего период с 862 по 1606 год, позволили ему сделать вывод о составном характере памятника. Первая его часть за 862–1585 годы была написана, по мнению историка, в конце XVI века, тогда как вторая и третья, с описанием общерусских и монастырских событий за 1589–1591 и 1598–1606 годы соответственно, являлись позднейшим дополнением к тексту, схожим с другой Соловецкой рукописью (РНБ, Соловецкое собр. 41/1500; далее – Сол. 41) [12: 225–226]. Помимо этого, В. И. Корецкий сделал первые выводы относительно второй редакции СЛ – Сол. 877, подчеркнув археографическое сходство данной редакции с позднейшими дополнениями Сол. 22. Сама редакция Сол. 877, по утверждению ученого, использовала Сол. 22 для пополнения доступных автору сведений дополнитель-

ными материалами, на основе которых будет позднее составлена компиляция Хлуд. 184 [12: 227]. В работах В. И. Корецкого закрепилось представление о СЛ как местном памятнике летописания в связи с многочисленными региональными сведениями, включенными в него на заключительном хронологическом отрезке начиная с 1538 года.

К концу 1980-х годов в отечественной историографии сложились первые представления о составе, времени создания и порядке записи сведений СЛ первых двух редакций. Р. П. Дмитриева обобщила доступные сведения, выделив три основных момента, связанных с изучением памятника. Первое, что отмечалось, это отличия в объеме между Сол. 22 и Сол. 877 и то, что более ранний вариант летописца имел куда больше сугубо соловецких сведений, чем поздний Сол. 877. Это связывалось с намеренной выборкой фактов и пополнением поздней редакции рядом общерусских сведений, переданных более точно, чем в Сол. 22 и поздней Хлуд. 184 [3: 25–26]. Вопрос о причинах подобных сокращений поздней компиляции или же дополнения летописца Сол. 877 новыми сведениями долгое время оставался открытым, представляя интерес для уточнения доступных сведений в отношении более поздних компиляций памятника и поиска его ранних редакций.

Я. Г. Солодкин продолжил изучение СЛ и сравнил тексты редакций произведения и его отдельных статей, что позволило уточнить источники памятника и вопросы его атрибуции [24], [25], [26], [27], [28]. По мнению историка, СЛ не представляется возможным считать ни «кратким», ни «местным», как утверждал В. И. Корецкий, так как состав сведений, число и наполнение статей характеризуют его как общерусский провинциальный летописец [24: 31]. Также Я. Г. Солодкин поставил под вопрос тот факт, что список Сол. 22 является первой редакцией СЛ, на чем настаивал В. И. Корецкий [24: 32–33]. Дальнейшее развитие этот тезис получил в работах С. Н. Кистерова [9].

Позднее Я. Г. Солодкин выступил с критикой утверждения А. И. Филюшкина о независимости СЛ от официального летописания [33: 62]. Он выдвинул предположение об использовании автором СЛ материалов разрядных книг и дипломатических ведомств [24: 306] и сделал вывод о сохранении в России после 1568 года официального летописания. Данный подход к произведению поставил под сомнение тезис об упадке региональных летописных центров [24: 308–309]. В последующих статьях исто-

рик уточнил свою гипотезу, высказав мысль об обращении создателя памятника к неизвестному московскому летописцу, создававшемуся параллельно с Лицевым летописным сводом в стенах Разрядного приказа [25: 197], чем объясняется осведомленность автора Соловецкого летописца о событиях Ливонской войны и дипломатических мероприятиях царской власти. Также Я. Г. Солодкин сделал вывод об использовании Соловецкого летописца для составления летописца, близкого к своду из собрания И. Е. Забелина [27: 182], в то время как В. И. Корецкий предполагал, что сам Соловецкий летописец пользовался сведениями из этого свода.

О. В. Панченко сосредоточился на дальнейшем изучении летописца Сол. 22, а также опубликовал часть сведений из другой рукописи Соловецкого собрания (РНБ, Соловецкое собр. № 644/722; далее – Сол. 644). Свой выбор ученый обосновал предположением о создании частей статей Сол. 644 за 1552–1579 годы непосредственно в XVI веке, несмотря на позднее составление самого сборника в конце 1710-х годов [21: 263]. Выявленные им сведения, охватывающие период 1550–1570-х годов, историк назвал «Кратким Соловецким летописцем», связав его с созданием в конце столетия редакции Сол. 22 и обосновав причины появления ранних записей об истории монастыря в сборнике XVII века. По мнению О. В. Панченко, первые три статьи «Краткого летописца», освещающие события 1550-х годов, были написаны еще при игумене Филиппе (1546–1566) [21: 264]. Интерес авторов этих записей фокусировался вокруг монастырских событий, хотя одно общерусское – взятие Казани – в них также присутствовало [21: 263]. В 1570-х годах при игумене Варлааме (1570–1581) летописец дополнился двумя другими статьями о строительных работах в монастыре. После этого текст «Краткого летописца» не дополнялся вплоть до середины XVII века, когда в нем появляются новые статьи о переносе мощей святых Зосимы и Савватия Соловецких (1566) и митрополита Филиппа (1646). Эти изменения, как утверждает О. В. Панченко, в первой трети XVII века внес монастырский черный дяк Иеремия [20], из-за чего летописец и вошел впоследствии в состав сборника Сол. 644.

О. Л. Новикова, напротив, сфокусировалась на изучении второй редакции памятника – Сол. 877, оставшейся на периферии внимания ученых [18]. Подробное изучение помет и филиграней позволило ей выявить ряд уникальных источников, использованных при создании данной редакции. Среди особенностей памятника О. Л. Новикова отметила использование в тексте третьей редакции «Краткого летописца новгородских владык» (1570-х годов), а также сведений Софийской I ле-

тописи, «Повести о битве при Молодях» и «Повести о двух посольствах» [18: 221–222].

О характере и значении редакции Сол. 877 высказывался и О. В. Панченко, обративший внимание на дополнение ранних версий Соловецкого летописца сведениями из выявленных О. Л. Новиковой источников. Он частично согласился с мнением Я. Г. Солодкина об общерусском характере памятника, отметив, однако, что «превращение» Соловецкого летописца из келейного в общерусский провинциальный произошло лишь в XVII веке [19: 270].

Решение вопросов, связанных с временем создания Соловецкого летописца, продолжил в своих работах С. Н. Кистерев [9], [10]. Для уточнения даты написания Сол. 877 он обратился к проблеме датировки одного из источников редакции – «Повести о двух посольствах», время создания которой приходилось на период с 1579 по 1614 год. Сравнение рукописей Соловецкого собрания (РГБ, Соловецкое собр. № 1137/1247; № 41/1500), в составе которых присутствовала «Повесть», позволило уточнить время составления Сол. 877, датировав его 1591 годом [9: 401–402]. Не менее подробного разбора удостоилась и Сол. 22, которая, по мнению С. Н. Кистерова, является не первой редакцией Соловецкого летописца, а второй [9: 393]. Известия Сол. 22, а также используемый в рукописи заголовок, ряд помет и расхождения с другими памятниками, в том числе и с рукописью Соловецкого собрания № 44/1500 (РГБ, Соловецкое собр. № 44/1500) и Новгородско-Псковской летописью 1630 года, привели его к мысли о существовании в монастыре неизвестного летописца, чьи сведения за 1588–1591 годы были внесены в Сол. 22 новым почерком, на что в свое время обращал внимание В. И. Корецкий [12: 224]. В то же время основной текст Сол. 22 был создан позднее, чем первоначальный неизвестный летописец, названный С. Н. Кистеревым по имени предполагаемого автора «Летописцем Исайи», написанный не раньше 1586 года [9: 407–408].

АТРИБУЦИЯ СОЛОВЕЦКОГО ЛЕТОПИСЦА

Не менее важным для отечественных историков стал вопрос об атрибуции Соловецкого летописца – уточнении личности автора и обстоятельств создания произведения. Основное внимание исследователей было приковано к Сол. 22 как первой или одной из ранних редакций памятника.

В свое время М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что вероятный автор хорошо разбирался в церковных делах [30: 193]. В. И. Корецкий уточнил выводы М. Н. Тихомирова, предположив, что создателем Соловецкого летописца был монастырский келарь Петр Ловушка.

Несмотря на то что упоминания старца в тексте памятника нет, он подходил под описание одного из доверенных лиц монастыря в Новгороде [12: 228]. На момент создания летописца в 1570–1580-х годах старец присутствовал в городе вместе с игуменом, а многочисленные указания вроде «а был» или «были» позволили ученому сделать вывод, что хоть летописец и создавался по инициативе игумена Иакова, но сам он участия в составлении памятника не принимал [12: 229–230]. Данная точка зрения надолго стала определяющей в вопросе об авторстве Соловецкого летописца, и роль Петра Ловушки в создании памятника поддержали В. К. Зиборов, В. В. Калугин и А. Т. Шашков [7], [8], [36]. При этом не подвергалась сомнению и роль игумена Иакова в составлении произведения. А исследовательница Р. П. Дмитриева писала, что в создании Соловецкого летописца «прослеживается деятельность игумена Иакова», а «его роль в создании летописца представляется убедительной» [4: 26].

С участием Петра Ловушки в создании Соловецкого летописца не согласился Я. Г. Солодкин, указавший, что о литературной деятельности монастырского старца почти ничего неизвестно. Другим аргументом ученого было несоответствие летописных сведений и хозяйственных данных о месте его пребывания, так как Петр часто отъезжал из монастыря по различным поручениям [24: 32]. В то же время в монастырских документах 1580-х годов Я. Г. Солодкин обнаружил имена учеников игумена Иакова: Гурия, Макария, Пафнутия, Мирона и Ильи. Ученый высказал предположение, что автором Соловецкого летописца мог быть кто-то из них [24: 33].

Позднее О. В. Панченко сделал вывод о ведущей роли самого игумена Иакова в создании Соловецкого летописца. Одним из основных аргументов историка стала грамота, выданная игумену Варлааму 10 августа 1570 года об уплате налога с монастырских вотчин. В тексте грамоты указаны также имена строителя Меркурия и двух соловецких старцев, сопровождавших нового игумена, – Геронтия и Иакова. С опорой на текст памятника, в котором упоминается зимовка двух посланных в Москву осенью 1569 года священников («а мы в ту пору зимовали на Москве с Горонтием»), О. В. Панченко сделал вывод о непосредственном участии Иакова в составлении Соловецкого летописца [21: 271]. Другим указанием на его авторство стало обилие фактов из биографии будущего игумена в тексте летописца, которые не имели большого значения для истории самого монастыря [21:

270]. Помимо этого ученый отметил, что в тексте летописца упоминаются события, свидетелем которых мог быть Иаков, а также люди, помнить о которых мог, в первую очередь, игумен Иаков [21: 270]. Отдельного внимания заслуживает вывод О. В. Панченко о начале систематического изложения событий в летописце с 1564 года, совпадающего со временем появления Иакова в монастыре.

Свою версию об авторстве Соловецкого летописца выдвинул С. Н. Кистерев, предположив, что Сол. 22, не являющаяся первой редакцией памятника, была написана по материалам другого, более раннего летописца, чьим создателем был старец Исаяя, занимавшийся хозяйственными делами монастыря [9: 403–405]. В приходно-расходных книгах Соловецкой обители ученый обнаружил упоминание старца Митрофана, которому из монастырской казны было выделено 2 рубля «от книги от Летописца от писма» [9: 383–385]. Историк предположил, что оплата была произведена за составление Митрофаном летописца или участие в его создании. Сам Митрофан, а также старец Исаяя принимали непосредственное участие в составлении первой редакции Соловецкого летописца. Данная гипотеза ученого была основана на записи из Приходно-расходной книги Соловецкого монастыря 1591 года, исследование которой М. В. Кукушкиной позволило отнести Митрофана к числу соловецких писцов-переписчиков [13: 48]. Предположения С. Н. Кистерева также отмечены противоречием, обнаруженным в статье летописца за 1566 год, в которой упоминаются перенос мощей Зосимы и Савватия Соловецких в монастыре, а также поездка в Москву «со святыми водами». Обращает на себя внимание тот факт, что перенос мощей произошел 8 августа 1566 года, в то время как 11 августа того же года датируется письмо митрополита Филиппа новгородскому приказчику старцу Исаку, в котором и упоминается Исаяя. Несмотря на то что сам Исаяя не мог принимать участия в создании летописца, позднее Я. Г. Солодкин указал на участие старца в дополнении текста ранней редакции СЛ для личного пользования, но не его создании [28: 378].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К настоящему времени в отечественной историографии накоплено немало сведений о времени создания СЛ, происхождении и взаимосвязи его редакций, а также источниках, использованных автором произведения. Современные исследователи продолжают применять в отношении СЛ приставки «конца XVI века» и «так назы-

ваемый», чтобы отличать произведение от «Летописца Соловецкого монастыря», введенного в оборот И. А. Лобаковой [14]. Основной фокус внимания ученых сосредоточен на трех летописных текстах о Соловецком монастыре:

- 1) летописец 22/1481, признаваемый в качестве ранней редакции памятника;
- 2) летописец 877/987, использованный для составления поздней компиляции Хлуд. 184;
- 3) краткий Соловецкий летописец 1550–1570-х годов из состава Сол. 644/722, вошедший в состав поздней компиляции, но использованный при создании Сол. 22.

Вопросы о соотношении редакций, а также существовании древнейших версий летописца продолжают подниматься исследователями, пересматривающими результаты предшествующих работ. Внимание ученых к СЛ обусловлено интересом к истории обители второй половины XVI века, а также сведениям общерусского характера, раскрывающим детали последнего этапа правления Ивана IV.

Не менее важным вопросом для изучения СЛ остается и вопрос об авторстве редакции Сол. 22. Критика предположений В. И. Корецкого позволила большинству историков усомниться в том, что автором Соловецкого летописца был старец Петр Ловушка. В то же время гипотеза С. Н. Кистерева об участии в создании СЛ старцев Митрофана и Исаяи была подвергнута критике Я. Г. Солодкиным. Не подвергается, однако, сомнению причастность в составлении памятника игумена Иакова – дискуссионным остается вопрос его личного участия. Среди актуальных кандидатур на должность автора летописца остаются сам игумен Иаков и ряд его учеников.

Другой проблемой, обозначенной в отечественной историографии, является вопрос о статусе СЛ, характеристика которого как местного памятника летописания была поставлена под сомнение Я. Г. Солодкиным. Тем не менее обращение к теме летописца как памятника местной исторической мысли, связанной с работой кон-

кретного монастырского книжника, отбравшего как общерусский, так и региональный материал для своего произведения, требует дальнейшей разработки.

Использование в СЛ ряда общерусских сведений представляет интерес для исследователей, занимающихся изучением отражения сведений разрядных книг в провинциальном летописании. Однако материалы «Краткого Соловецкого летописца», выявленного О. В. Панченко, открывают возможности для изучения сведений местного характера.

Дальнейшее исследование СЛ имеет широкие перспективы в связи с изучением монастырских связей между Соловками и другими центрами религиозной жизни региона, назначения и практического применения памятника в монастырской традиции, а также специфики авторской работы по созданию схожих произведений, в том числе: выборки местных и общерусских событий, тематических приоритетов автора, проявлений его личностных интересов, индивидуальности и умений профессионального книжника. В настоящее время сохраняется тенденция на использование СЛ как источника конкретных сведений по событиям общерусского масштаба, например русско-шведской войны 1589–1595 годов, или примера активного развития книжной культуры в постопричной России [2], [34].

Исследователями СЛ накоплена значительная сумма сведений, как правило, археографического и источниковедческого характера, которая создает условия для их дальнейшего изучения. Тем самым подготовлен фундамент для последующего обращения к летописцу как памятнику историографии эпохи, изучение которого требует привлечения методов новой локальной истории, интеллектуальной истории и просопографии. Без привлечения материала СЛ вряд ли можно говорить о комплексном исследовании региональных традиций историографии России в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Орлов А. С. Великорусская историческая литература XVI века: Конспект лекций. М.: Типо-лит. В. И. Титяева, 1912. 69 с.
- ² Иконников В. С. Опыт русской историографии: [В 2 т.]. Киев: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1891–1908. Т. 1–2.
- ³ Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 372.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В о в и н а - Л е б е д е в а В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 928 с.
2. В о л о д и х и н Д. М. Соловецкий летописец в период русско-шведской войны 1589–1595 гг. // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. 2015. Т. 14. С. 46–52.

3. Дмитриева Р. П. Летописец Соловецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 23–26.
4. Дмитриева Р. П. О раннем периоде истории Соловецкого монастыря в Житиях Зосимы и Савватия и в списках Соловецкого летописца // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 89–98.
5. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 215 с.
6. Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 68–97.
7. Зиборов В. К. Русское летописание XI–XVIII веков. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2002. 512 с.
8. Калугин В. В. «Житие Трифона Печенгского»: от монастырских записок к агиобиографии // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 449–451.
9. Кистерев С. Н. Об авторах первой и второй редакций Соловецкого летописца XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 383–410.
10. Кистерев С. Н. К вопросу об авторе первой редакции Соловецкого летописца // Вестник «Альянс-Архео». 2015. № 9. С. 73–77.
11. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018. 366 с.
12. Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980: Сб. ст. М., 1981. С. 223–243.
13. Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 248 с.
14. Лобакowa И. А. «Сказание вкратце о соловецких игуменах» // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 170–182.
15. Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
16. Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М.: Индрик, 2005. 285 с.
17. Насонов А. Н. Русское летописание XI – начала XVIII века. М.: Наука, 1969. 556 с.
18. Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 214–254.
19. Панченко О. В. «Летописец игумена Иакова» и «Краткий Соловецкий летописец 50–70-х гг. XVI в.» // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря: Первая Международная научная конференция: Сборник научных статей и докладов. П. Соловецкий, 2011. С. 88–95.
20. Панченко О. В. Книгохранитель и уставщик черный дьякон Иеремия (Из истории соловецкой книжности XVII в.) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 336–370.
21. Панченко О. В. Памятники летописания Соловецкого монастыря. Ст. 1. Соловецкие летописцы XVI в. // ТОДРЛ. 2014. Т. 63. С. 262–277.
22. Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 410 с.
23. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.
24. Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания М.: МАЛП, 1997. 200 с.
25. Солодкин Я. Г. К истории соловецкого летописания рубежа XVI–XVII вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 5–6.
26. Солодкин Я. Г. Об авторстве и источниках Соловецкого летописца 1580-х гг. // Очерки феодальной России. 2010. Вып. 14. С. 297–309.
27. Солодкин Я. Г. К истории общерусского летописания последней трети XVI в. (о происхождении нарративного источника статей за 1571–1585 гг. Соловецкого летописца ранней редакции) // Связь времен и творчество историка: Памятный сборник к 90-летию В. М. Панеяха. СПб., 2021. С. 181–210.
28. Солодкин Я. Г. К истории создания одной из ранних редакций Соловецкого летописца: решена ли задача атрибуции // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. М., 2020. С. 377–379.
29. Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 217–236.
30. Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 556 с.
31. Усачев А. С. События прошлого глазами русских писцов // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 343–359.
32. Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени Митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 760 с.
33. Филюшкин А. И. Поворот во внутренней политике Ивана Грозного: 1560 или 1564 год? // Нестор: историко-культурные исследования: Альманах. Вып. 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1995. С. 60–74.
34. Чумичева О. В. Преподобный игумен Иаков: созидание в эпоху «нестроений» // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря: Международная научная конференция: Сборник научных статей и докладов. П. Соловецкий, 2011. С. 54–58.
35. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., 2012. 373 с.
36. Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 8–51.
37. Яковлев В. В. Летопись Новгородско-Псковская 1630 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 478–479.

38. Яковлев В. В. Новгородско-Псковская летопись 1630 г. // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность. 2001. Вып. 4. С. 386–467.
39. Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznyj. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hg. Reinhard Frötschner. Berlin: Frank&Timme, 2021. 266 s.
40. The Book of Royal Degrees and the genesis of Russian historical consciousness / Ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington; Indiana: Slavica Pub, 2011. 364 p.

Поступила в редакцию 18.11.2022; принята к публикации 10.01.2023

Review article

Iliia S. Agafonov, Postgraduate Student, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9939-9119; is.agafonov@yandex.ru

THE SOLOVETSKY CHRONICLE OF THE LATE XVI CENTURY: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

Abstract. The chronicle-writing traditions of Russia in the XVI century have been actively studied by Russian scholars using the materials of large Moscow written monuments. Such works as *The Chronograph* (1512 edition), *The Nikon's Chronicle* and *The Book of Royal Degrees* attracted researchers' attention due to the breadth of coverage of all-Russian events. At the same time, local monuments have remained on the periphery of specialists' interests. To date, Russian historiography has accumulated extensive materials related to the publication, attribution, and analysis of various works created outside Moscow. Some problems are considered in the source studies of Russian scientists, however, historians focus their attention on textological issues, as well as the clarification of individual macroplots of Russian history. Meanwhile, a comprehensive study of the local chronicles of the late Middle Ages and the early Modern Times has not been conducted. For further progress in addressing such issues as the formation and development of the book tradition in Russia in the XVI century it seems necessary to structure the materials accumulated by historical science, which can become the foundation for investigating the general and specific features of local chronicle-writing. *The Solovetsky Chronicler* of the late XVI century is an example of an unofficial chronicle written in the Russian North. The historiographical experience of studying this work accumulated by historical science is of interest for summarizing and identifying problematic issues. The novelty of the work lies in the preparation of the monument for examining it as an independent element of the historiographical tradition of Russia in the XVI century, which means referring to chronicle works as monuments of the historical thought of the region and era. The research resulted in summarizing the outcomes of the historiographical study of the Solovetsky annals by Russian scholars, namely the sources of the work, the ratio of editions, the time of creation, and the authorship of the monument. Attention is focused on the following issues that require special consideration when investigating *The Solovetsky Chronicler* of the XVI century as an example of local book tradition of its time: the purpose and practical application of the monument in the monastic tradition, the specifics of the work of local chroniclers, the principle of selecting the described events, and the author's thematic priorities.

Keywords: historiography, source studies, sixteenth century, local annals, all-Russian chronicles, Solovetsky Monastery, Solovetsky Chronicler

Acknowledgements. The paper was written as part of the project No 20-18-00218 supported by the Russian Science Foundation.

For citation: Agafonov, I. S. The Solovetsky chronicle of the late XVI century: historiography of the issue. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.868

REFERENCES

1. Vovina-Lebedeva, V. G. Schools for the study of Russian chronicles: the XIX–XX centuries. St. Petersburg, 2011. 928 p. (In Russ.)
2. Volodikhin, D. M. *The Solovetsky Chronicler* during the Russo-Swedish war of 1589–1595. *The Solovetsky Sea: Historical and Literary Almanac*. 2015;14:46–52. (In Russ.)
3. Dmitrieva, R. P. The Solovetsky Chronicler. *The dictionary of scribes and book tradition of Ancient Rus. Issue 2. (The second half of the XIV–XVI centuries)*. Part 2. Leningrad, 1989. P. 23–26. (In Russ.)
4. Dmitrieva, R. P. The early period of the history of the Solovetsky Monastery in the Lives of Zosima and Savvaty and in the copies of *The Solovetsky Chronicler*. *Almanac of the Department of Old Russian Literature*. 1996;49:89–98. (In Russ.)
5. Dmitrieva, R. P. The tale of the princes of Vladimir. Moscow; Leningrad, 1955. 215 p. (In Russ.)
6. Gol'dberg, A. L. Three “epistles of Philotheus”. *Almanac of the Department of Old Russian Literature*. 1974;29:68–97. (In Russ.)
7. Ziborov, V. K. Russian chronicle of the XI–XVIII centuries. St. Petersburg, 2002. 512 p. (In Russ.)
8. Kalugin, V. V. “The Life of Tryphon of Pechenga”: from monastic notes to agiobiography. *Historiography, source studies, history of Russia in the X–XX centuries*. Moscow, 2008. P. 449–451. (In Russ.)

9. Kisterev, S. N. The authors of the first and second editions of *The Solovetsky Chronicler* of the XVI century. *Annals and chronicles. New studies. 2013–2014*. Moscow; St. Petersburg, 2015. P. 383–410. (In Russ.)
10. Kisterev, S. N. To a question about the author of the first edition of *The Brief Annals of Solovki*. *Vestnik "AlyansArheo"*. 2015;9:73–77. (In Russ.)
11. Kloss, B. M. The Nikon's Chronicle and other Russian chronicles of the XVI–XVII centuries. Moscow, 2018. 366 p. (In Russ.)
12. Koretsky, V. I. *The Solovetsky Chronicler* of the late XVI century. *Annals and chronicles. 1980: Collection of articles*. Moscow, 1981. P. 223–243. (In Russ.)
13. Kukushkina, M. V. Monastic libraries of the Russian North: Essays on the history of book culture in the XVI–XVII centuries. Leningrad, 1977. 223 p. (In Russ.)
14. Lobakova, I. A. "The Brief Tale of the Solovetsky Hegumens". *Book centers of the Ancient Rus: Scribes and manuscripts of the Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2004. P. 170–182. (In Russ.)
15. Lurye, Ya. S. Two histories of the fifteenth-century Rus. Early and late, independent and official chronicles of the formation of the Muscovite state. St. Petersburg, 1994. 240 p. (In Russ.)
16. Morozov, V. V. Illustrated chronicle in the context of Russian chronicle-writing of the XVI century. Moscow, 2005. 285 p. (In Russ.)
17. Nasonov, A. N. Russian chronicles of the XI – early XVIII centuries. Moscow, 1969. 556 p. (In Russ.)
18. Novikova, O. L. The second edition of the so-called *Solovetsky Chronicler*. *Book centers of the Ancient Rus: The Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2001. P. 214–254. (In Russ.)
19. Panchenko, O. V. "The Chronicler of Hegumen Jacob" and "The Brief Solovetsky Chronicler of the 1550s–1570s". *Spiritual, historical and cultural heritage of the Solovetsky Monastery: Proceedings of the first international research conference*. Solovetsky, 2011. P. 88–95. (In Russ.)
20. Panchenko, O. V. Black deacon Jeremiah, book keeper and senior choir singer (From the history of the Solovetsky written tradition of the XVII century). *Book centers of the Ancient Rus: Scribes and manuscripts of the Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2004. P. 336–370. (In Russ.)
21. Panchenko, O. V. Chronicles of the Solovetsky Monastery. Part 1. Solovetsky chroniclers of the XVI century. *Almanac of the Department of Old Russian Literature*. 2014;63:262–277. (In Russ.)
22. Sinitsyna, N. V. Third Rome. Origins and evolution of the Russian medieval concept (XV–XVI centuries). Moscow, 1998. 410 p. (In Russ.)
23. Sirenov, A. V. *The Book of Royal Degrees* and Russian historical thought of the XVI–XVII centuries. Moscow; St. Petersburg, 2010. 552 p. (In Russ.)
24. Solodkin, Ya. G. History of the late Russian chronicle-writing. Moscow, 1997. 200 p. (In Russ.)
25. Solodkin, Ya. G. The history of the Solovetsky chronicle-writing at the turn of the XVII century. *Topics in the study of history of the European North*. Petrozavodsk, 1993. P. 5–6. (In Russ.)
26. Solodkin, Ya. G. The authorship and sources of *The Solovetsky Chronicler* of the 1580s. *Essays on the Feudal History of Russia*. 2010;14:297–309. (In Russ.)
27. Solodkin, Ya. G. The history of the all-Russian annals of the last third of the XVI century (the origin of the narrative source of the 1571–1585 written records from the early edition of *The Solovetsky Chronicler*). *The link of times and the work of historians: Collection of articles commemorating the 90th anniversary of V. M. Paneyakh*. St. Petersburg, 2021. P. 181–210. (In Russ.)
28. Solodkin, Ya. G. The history of the creation of one of the early editions of *The Solovetsky Chronicler*: the question of attribution. *Auxiliary historical disciplines in the modern scientific knowledge: Proceedings of the XXIII international research conference*. Moscow, 2020. P. 377–379. (In Russ.)
29. Tikhomirov, M. N. Little-known chronicles. *Historical Archive*. 1951;7:217–236. (In Russ.)
30. Tikhomirov, M. N. Russian chronicle-writing. Moscow, 1979. 556 p. (In Russ.)
31. Usachev, A. S. The past events in the eyes of the Russian scribes of the 16th century. *Dialog with Time*. 2020;73:343–359. (In Russ.)
32. Usachev, A. S. *The Book of Royal Degrees* and old Russian literature of the time of Metropolitan Macarius. Moscow; St. Petersburg, 2009. 760 p. (In Russ.)
33. Filushkin, A. I. Shift in the domestic policy of Ivan the Terrible: 1560 or 1564? *Nestor: historical and cultural studies. Almanac. History at the crossroads: turning points and alternative routes*. Voronezh, 1995. P. 60–74. (In Russ.)
34. Chumicheva, O. V. Reverend Hegumen Jacob: creation in the age of "disorders". *Spiritual, historical and cultural heritage of the Solovetsky Monastery: Proceedings of the international research conference*. Solovetsky, 2011. P. 54–58. (In Russ.)
35. Shakhmatov, A. A. Review of Russian chronicles of the XIV–XVI centuries. Moscow, 2012. 373 p. (In Russ.)
36. Shashkov, A. T. The beginning of the annexation of Siberia. *Issues of Russian history*. Ekaterinburg, 2001. P. 8–51. (In Russ.)
37. Yakovlev, V. V. The Chronicle of Novgorod and Pskov, 1630. *The dictionary of scribes and book tradition of Ancient Rus*. Vol. 3. (The XVII century). Part 4. St. Petersburg, 2004. P. 478–479. (In Russ.)
38. Yakovlev, V. V. The Chronicle of Novgorod and Pskov, 1630. *The source studies experience. Old Russian book tradition*. St. Petersburg, 2001. Vol. 4. P. 386–467. (In Russ.)
39. Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznyj. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hg. Reinhard Frötschner. Berlin, 2021. 266 s.
40. *The Book of Royal Degrees and the genesis of Russian historical consciousness*. (G. Lenhoff, A. Kleimola, Eds.). Bloomington; Indiana, 2011. 364 p.